

(´□ω□`)

Проходило все больше времени. А вместе с ним - мое полное презрение и растущая ненависть.

Я ненавидел Коноху.

Нет, правда. Я ненавидел Коноху. Я хотел лишь одного - сжечь ее дотла и увидеть всех, кто в ней находился, мертвыми. Кроме моего брата и деда, конечно. К черту Девять новичков, Гая, Какаши и... всех остальных.

Я ненавидел Коноху.

Ненавидел взгляды. Взгляды. Бормотание. Ухмылки. Учителей, которые не могли потрудиться сохранить профессионализм, учеников, которые ничем не могли помочь. Я даже начал возмущаться Девяткой новичков. Шикамару был в порядке. Чоджи был в порядке. Ино была в порядке. Хината была в порядке. А все остальные? Гнийте в аду, сукины дети.

Нам внушали - о боже, какая ирония, - что если ты увидел издевательства, то должен немедленно сообщить об этом или разобраться с ними сам. Прекратите издевательства, говорили учителя - ирония судьбы. О Боже... ирония.

Хината была слишком нерешительна, чтобы сделать что-то напрямую, но она все равно была в порядке, оставляя для нас маленькие подарки (она давала нам часть своего обеда, если мы "забывали" свой). Хотя она никогда не сталкивалась с нами напрямую и фактически убегала, когда мы обращались к ней. В итоге я просто отказался от дружбы с ней на данный момент.

Кибе было все равно. Шино не хотел привлекать к себе внимание. Сасукэ был высокомерным маленьким придурком. Сакура была слишком застенчивой, и, черт возьми, она даже издевалась над Наруто время от времени, если он был слишком навязчив, на ее вкус. Шикамару просигналил, чтобы его остановили, но физически ничего не сделал. Чоджи последовал за Шикамару, а Ино не стала с этим мириться (благословите ее).

Они не были нашими друзьями. Они не пытались, и после многих неудачных попыток я тоже перестал пытаться.

Мне не нравился Ирука, потому что, хотя он и улыбался нам и пытался сказать, что он здесь, чтобы помочь, он был совсем не полезен. Остальные учителя были либо такими же, либо откровенно презирали нас.

Я начинал втайне ненавидеть Джирайю за то, что он не взял на себя ответственность и не похитил нас из этой дыры.

Я действительно, действительно ненавидел Коноху.

Я никому не говорил об этом. Не показывал своего презрения, потому что Наруто по какой-то причине любил Коноху (я уже начал сомневаться, не был ли мой брат мазохистом) и отчаянно хотел стать Хокаге. Я не мог растоптать его мечту. Не я. Он слишком сильно любил меня и слишком отчаянно нуждался во мне, чтобы я могла сделать что-то настолько ужасное.

Поэтому я усмехнулась и смирилась. Я должна была.

Он был моей опорой. Я нуждалась в нем так же сильно, как и он во мне. Я не была такой сильной, как он. Без него я бы сломалась под таким давлением. Я бы разбилась вдребезги.

Какая-то злобная часть меня не могла дождаться, когда Пейн уничтожит это место, и я втайне надеялась, что он оставит всех мертвыми. Это было ужасно с моей стороны. И мне было стыдно за эту часть меня.

"Мивако-чан, хочешь еще чаю?"

Я застенчиво улыбнулась дедушке, а он недоуменно усмехнулся, когда Наруто сморщил нос при мысли о чае. Мы с Наруто находились в кабинете дедушки для еженедельного визита и отчета. Мы как раз обсуждали, кем хотим стать после окончания академии.

Наруто, конечно же, хотел стать Хокаге, но когда дело дошло до меня, я немного постеснялась сказать, чего хочу, и поэтому замолчала, и только сейчас вопрос дедушки вывел меня из этого молчания.

"Мива-чан хочет работать с нинкеном".

Я резко взглянула на Наруто, который ободряюще улыбнулся мне. После того как в мою чашку налили еще чая, я продолжила.

"Я слышала, что ты тоже можешь их вызывать", - пробормотала я, все еще немного стесняясь признаться в своей - по сравнению с Наруто - меньшей мечте. "Я... я надеялся, что смогу найти свиток призыва и..."

Дедушка захихикал. "На самом деле свиток вызова уже используется".

Я знал это... но мне все равно хотелось украсть его у Какаши... как-нибудь...

Я наклонил голову, ерзая на стуле от смущения. "Прости..."

"Не стоит извиняться, Мивако-чан. Так получилось, что я его хороший друг. И могу поспорить, что смогу уговорить его дать тебе несколько уроков слежения. А вот согласится ли он взять тебя с собаками, решать ему".

Мои глаза расширились. "Правда?"

Я буду учиться слежке у Какаши?

"Но я думаю, что, возможно, если ты проявишь интерес к этому, он подпишет тебя", - сказал дедушка, забавляясь моей реакцией. Я почти слышала, как он это сказал: В конце концов, ты - дочь его любимого сенсея.

Я улыбнулась. "Ты действительно так думаешь?"

"Да", - заверил меня дедушка.

"Это здорово, Имоуто!" воскликнул Наруто, радостно глядя на меня. "Я так рад за тебя, Мивачан!"

"Ну и как тебе в академии?" поинтересовался дедушка. Наруто застонал и начал быстро рассказывать о чудесах и ужасах академии. Мы не хотели разочаровывать дедушку правдой.

Я молчал.

Наруто был лучшим лжецом, чем я.

(´□ω□`)

Чтобы потренироваться в контроле чакры, я нашел свиток, в котором говорилось о медитации. Там говорилось, что после нескольких упражнений йоги, когда тело расслабляется, легче погрузиться в более глубокое медитативное состояние и "найти свою чакру".

Так что я попробовал сам.

И обнаружила гораздо более интересные результаты.

Потому что вскоре я обнаружил себя стоящим перед до боли знакомой клеткой и смотрящим в еще более знакомую пару красных-красных глаз.

Курама.

Я моргнула, от шока на мгновение потеряв дар речи.

"Что это у нас тут? Один из моих тюремных охранников наконец-то соизволил показаться

передо мной", - сухо сказал Курама, его глаза сузились.

"Привет", - поприветствовал я, не зная, как еще ответить. "Я Узумаки Мивако".

Курама хихикнул, и это был не очень приятный смешок. Это была почти покровительственная усмешка. А я не люблю, когда меня опекают. "А вы, люди, зовете меня Кьюби".

"Это не имя", - заметил я.

"Но вы меня так называете", - ответил Курама.

"Я не буду тебя так называть. Это то же самое, как если бы ты назвал меня человеком или девушкой. Это просто обобщение целого вида. Меня зовут Мивако, и я не буду откликаться ни на что другое. Точно так же, как у тебя есть имя, и ты не должен реагировать на что-то другое, - сказала я, немного ослабившись из-за покровительственного тона Курамы. Врачи часто обращались ко мне таким тоном. И мои родители тоже.

Меня это раздражало.

"Я не намерен называть тебе свое имя", - огрызнулся Курама.

"Тогда я просто назову тебе имя", - ответил я. "Курама. Вот так. Это твое имя".

Курама моргнул. "... Что?"

"Курама", - повторил я. "Оно тебе подходит, понимаешь? Поэтому, насколько я понимаю, тебя зовут Курама".

Курама уставился на меня.

"Так... где я нахожусь?" спросил я. Нахожусь ли я внутри печати или в своем сознании? В манге это не уточнялось, но большинство читателей решили, что это разум. Если это так, то разве я не должен иметь возможность влиять на окружающую среду?

"Твой разум", - простодушно ответил Курама.

"Тогда разве я не должен быть в состоянии изменить обстановку?" предположил я.

"Не знаю. Попробуй и узнаешь", - усмехнулся Курама.

"Хорошо", - сказал я, закрывая глаза и представляя себе ярко-зеленый луг.

Я открыл глаза и... ничего. Я нахмурил брови. "Если я нахожусь в своем разуме, то должен его контролировать".

"Возможно, тебе просто не хватает дисциплины, как и остальным представителям твоего рода", - предположил Курама.

"Это просто предрассудки", - рассеянно отозвался я. "Ты уверен, что мы в моем сознании? Если мы в моем разуме, то почему вы здесь?"

"Возможно, мы внутри печати на твоём животе", - поправил Курама.

"Печать? Значит, я действительно джинчурики?"

"Обычно вы так себя называете", - сухо сказал Курама.

А-а. Всегда приятно получить подтверждение.

"А Нии-тян?"

"Да".

"А. Значит, мы не совсем в моем сознании, мы в печати. Поэтому я не могу влиять на обстановку".

"Нет, мы точно в твоём сознании", - сказал Курама.

"Но ты только что сказал..."

"Я солгал, чтобы пошутить", - признался Курама.

"Ты так говоришь, будто этим можно гордиться".

"Может, и так".

"... Хм. Ладно. Значит, ты действительно Кюби, а я действительно джинчурики... Ладно. Думаю, мне нужно время, чтобы... изучить это. Что именно я могу сделать?"

"Сам посмотри", - усмехнулся Курама.

"Ты какой-то горький, да?" Я наклонил голову.

"Не говори глупостей", - отмахнулся Курама.

"Полагаю, это понятно", - согласился я. "Я бы тоже не хотел оказаться запертым в теле. Мне жаль, что ты такой. Я не знаю, как тебе помочь. Мне пришлось бы изучать фуиндзюцу".

Курама фыркнул.

Я откинул голову назад, разглядывая одного из самых любимых мною персонажей - человека, личность? К кому теперь отнести Кураму? - из манги. "Я действительно хочу помочь. Я не знаю, как. Но я обещаю тебе, Курама, что помогу".

"И как именно ты собираешься это сделать?" сухо спросил Курама.

"Я только что сказал, что не знаю, как", - ответил я. "Но... малыми шагами. Если мы действительно находимся в моем разуме, то я должен контролировать его... но печать может повлиять на этот контроль. Для начала я постараюсь сделать это более комфортным для тебя. А потом... не знаю. Детские шаги. Я приду завтра, хорошо? И тогда мы сможем поговорить. Мы можем говорить столько, сколько ты захочешь, на самом деле".

"А что, если я вообще не захочу с тобой разговаривать?" спросил Курама, сузив глаза.

"Тогда я просто буду медитировать для контроля чакры". Я пожал плечами. "Если мы собираемся... жить вместе... может быть, нам будет удобно друг с другом".

Курама еще мгновение смотрел на меня, а потом тихонько фыркнул и отвернулся.

"До встречи, Курама", - тихо пробормотал я, разрывая связь.

Я действительно хотел помочь ему, но не по тем причинам, которые он мог предположить.

Я просто... не хотел, чтобы кто-то испытывал то чувство, которое испытывал я, сидя в клетке. Никто не заслуживал этого. Никто не заслуживал быть запертым в теле, медленно разлагающемся и беспомощном ко всему. Постоянно видеть, слышать и практически ощущать вкус свободы, но так и не дожидаться ее. Никто не заслуживал такого издевательского ада.

Никто.

<http://tl.rulate.ru/book/101265/3501349>